

18+

КРИСТЕН
ХАРД

ВОРОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЬЯНС С ВРАГОМ

Екатерина Ромеро
Ворон. Альянс с врагом

«Автор»

2026

Ромеро Е.

Ворон. Альянс с врагом / Е. Ромеро — «Автор», 2026

Он придет в мой дом как смерч и отнимет все, что мне дорого. Жестокий король мафии винит меня в смерти жены, которую любил больше жизни. Его руки покрыты шрамами после пожара, а лицо скрывает жестяная маска. Для него я даже не человек, я игрушка. И это не любовь. Это одержимость, где месть становится желанием, а враг тем, кто будет ломать тебя, аплодируя стоя. # властный жестокий герой # большая разница в возрасте # невинная героиня # от ненависти до... Черновик. Регулярные проды. Однотомник.

© Ромеро Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Екатерина Ромеро, Кристен Хард Ворон. Альянс с врагом

Глава 1

— Скай, БЕГИ!

Грохот, голос мамы, рывок в полутьме. Такой силы, что мне кажется, будто это землетрясение или просто мой дом треснул пополам.

— Ай, нет...

Меня буквально отрывают от кровати, больно схватив за руку. Подушка и одеяло падают, и я не чувствую пола. Совсем.

Захват настолько крепкий, что я не могу увернуться, не могу отбиться от него, ничего не могу совершенно.

Мужчина, огромный, как гора, весь в черном.

— Кто вы?! Боже, что вам надо?

— Мне нужна ты, Моджильяни.

Моджильяни. Фамилия моего дяди и мое проклятие одновременно. Мама увезла меня как можно дальше, но меня все равно нашли и поймали.

— Пустите! Умоляю, я ничего не сделала!

Он отпускает меня. Так резко, что я больно плюхаюсь на пол. Только теперь могу рассмотреть этого мужчину. Весь в черном, и его лицо — его не видно! Там одна только черная маска. Кожаный плащ до пола, грубые ботинки с металлом. Он похож на саму смерть.

— Кто вы такой? У нас нет денег, у нас ничего нет!

Он наступает, большой шаг, уверенная выправка, широкие плечи. Это какой-то демон во плоти, и лица нет, одна лишь маска. Язык заплетается, я слышу топот ног в доме. Сколько их? Они пробрались бесшумно. До чего же наивной я была, когда думала, что, уехав за тысячу километров, смогу спастись от него. От них всех.

— Твои деньги меня не интересуют.

— Заберу. Не сомневайся, — чеканит каждое слово, а после достает зажигалку. — Вы пробрались в мой дом... берите, что хотите, и уходите!

— Не надо!

С ужасом вижу, как этот огромный мужчина с легкостью поджигает мое одеяло, подушку, шторы. И все, дальше голодное пламя расплзается по всей моей комнате, пожирая все на своем пути.

— А теперь ты, сука.

В его руках блестят наручники, тогда как меня уже всю просто колотит.

— Кто вы такой, кто?!

— Нет, не подходите! — Я Вито Чезаре, а ты — моя месть.

Я забиваюсь к стене. Перепуганная, ошеломленная, в одной только ночнушке, но он быстрее. И сильнее в тысячу раз.

Я не успеваю даже добежать до двери. Этот демон меня ловит и, с легкостью завернув мои руки за спиной, впечатывает меня в пол. Щелчок, я закована, полуголая, в полнейшем просто шоке.

Его энергетика настолько мощная, он прижал меня коленом, и в какой-то момент мне кажется, будто меня придавило бетонной плитой. Не могу отбиваться, вообще под ним ничего не могу.

Запоздало понимаю, что это сам Чезаре, а значит, по мою душу пришел лично король мафиози. Тот, от которого я бежала без оглядки, когда мама сказала мне, что ее брат перешел дорогу очень влиятельным людям и теперь они будут искать нас. Чтобы выбивать, как мух, по одному.

— Скай, где ты?! — слышу голос мамы из соседней комнаты. Они тоже уже там.

— Мама! — вскрикиваю, едва удерживая равновесие, он поднял меня одним рывком. С ужасом всматриваюсь в щели маски, пока еще не понимая, живой ли человек за ней или действительно демон.

— Мама, говоришь.

Он смотрит на меня всего секунду, а после достает пистолет, толкая меня к стене.— Не смейте трогать ее! Не смейте!

Замираю при виде оружия, у нас нет шансов. Нас здесь и прикончат, он пришел убивать.

— Умоляю, не надо! Прошу вас, есть ли у вас сердце?! Не трогайте мать! — выпаливаю, надеясь найти там хоть какой-то отклик, но его нет. Нет просто.

— Пошла!

Он толкает меня в спину, и, точно заключенная, я выхожу из горящего дома.

— Мама!

Мы встречаемся в коридоре. Моя мама так сильно перепугана, она тянется ко мне, но нам не дают даже приблизиться. Их тут много. Шесть или семь человек. Все в черном, как натравленные псы, они рыщут по дому, переворачивая его. И нет, это не ограбление. Они ищут бумаги.

— Есть что-то?

— Нет.

К этому моменту дышать становится сложно. Густые клубы дыма расходятся по всему дому, не видно уже почти ничего, и я просто чувствую, как меня выволокли на улицу.

— Мама, что делать? — с ужасом выкрикиваю, на что мама только пускает газа.

— Они нашли нас, детка. Прости.

А дальше как в самом страшном кошмаре. Нас ставят на колени. У мамы и у меня руки закованы в наручники. Ночи здесь холодные, чувствую, как в спину дует летний ветер, и пошевелиться не могу. Тело словно одеревенело, вижу, как к нам подходит тот самый высокий мужчина. Вито.

— Синьор, мы ничего не...

— Заткнись, — обрубает резко жестким басом. — Я буду говорить, ты будешь отвечать. Я спрашиваю один раз и жду честного ответа.

При этом этот монстр без лица подходит ко мне и приставляет дуло пистолета к моей макушке. Я чувствую его холод, его силу и власть.

Это не мне, а моей маме. Я просто цель, он держит оружие у моего виска.— Где твой брат Марко Моджильяни? В какой стране?

— Клянусь всем, что у меня есть, не знаю! Прошу вас, не трогайте Скай! Не надо!

Он размышляет всего секунду, потом убирает пистолет от меня и наводит его на мою мать. Я вижу, как его палец дергается на курке, и не выдерживаю:

— НЕТ!

Нас здесь обеих убьют, вот только вынести этого я не могу. Бросаюсь к матери, заслоняя ее собой.

— Не надо! Прошу, не стреляйте! Не стреляйте! Мама!

— Тихо, Скай. Не бойся.

Голос мамы дрожит, у нее диабет, ей нельзя волноваться. Поднимаю голову и встречаюсь с этим чудовищем в маске. Я даже не вижу цвета его глаз. Он похож на демона, который вылез из самого страшного ада и приехал лично. За мной.

— Синьор, мы ничего не знаем! Ничего!

Слезы выступают на глазах. Прижимаюсь к матери, сердце отбивает чечетку в груди. Их так много, большие, высокие, здоровые мужчины. И он. Этот высокий черт в кожаном плаще. Мафиози Чезаре — это короли, сильные мира сего, и он тоже. Невероятной просто силы.

Всхлипываю, слезы стекают по щекам. Еще никогда прежде я не чувствовала такого кошмара.

— Не убивайте... Прошу. Пощадите дочь! Отпустите ее. Скай ни в чем не виновата!

Мама защищает меня, коротко мне кивает, тогда как я отлипнуть от нее не могу. Мне страшно. Мне двадцать один, и я очень близка с мамой, так как отца в глаза не видела. Да, дядя Марко у меня есть, но он чужой мне. Мы не общаемся.

Короткий кивок. Он вроде как согласился, вот только это мираж, иллюзия, которая развевается, точно песок в пустыне.

— Будь по-твоему, старуха. Взять ее.

— НЕТ, СКАЙ!

— МАМА!

Меня отрывают от матери. Быстро, резко поднимают на ноги, а после я встречаюсь с его сверкающим взглядом из-под маски.

Этот мужчина как арктический лед, порубленный на острые куски, и все эти ножи на меня направлены.

Вздрагиваю, когда он берет меня за подбородок большой рукой, затянутой в черную кожаную перчатку, и поворачивает мое лицо в свете пламени.

Молчу, от ужаса даже пошевелиться не могу, как застыла. Точно бабочка в лапах паука.

— Я тебя забираю.

Короткая фраза — так звучит мой приговор.

— Нет, умоляю, не надо! Лучше убейте меня, Скай, девочка моя, СКАЙ!

Так моя жизнь разделяется на “до” и “после”. К этому моменту я уже даже отвечать не могу. Я плачу, никогда не думала, что настолько слабая.

Я ничего не могу. Точно куклу, меня усаживают в машину, одним наручником пристегивая к двери. Моя мать так и остается на коленях, с опущенной головой.

Монстр же садится в другую машину, и мы сразу срываемся с места. В зеркало заднего вида я вижу, как мой дом горит, словно факел. Огромные клубы дыма вперемешку с огнем поднимаются вверх.

Вито Чезаре пришел в мой мир как чума. Он уничтожил мой дом, оторвал от матери и забрал себе, чтобы убивать меня медленно.

Еще никогда кошмары в моей жизни не сбывались. До сегодняшнего дня. И солнце спряталось, а небо зарыдало кровавыми слезами. Меня забрал Вито Чезаре. Мой ад начался.

Глава 2

Я учусь на криминального журналиста, вот только это все была теория, а сейчас наступает практика. И в жизни все вообще не так, как в книгах, в учебниках по выживанию даже.

Это не простой вор, который явился в мой дом ради наживы. Наши жизни — вот зачем он пришел.

Я слышала лишь отдаленно про клан Чезаре. Они всегда казались так далеко, недостижимо. Как и мой дядя Марко Моджильяни. Это люди совершенно из другого круга, мы им не ровня и близко.

Да, мой дядя — золотой магнат, но в реальности такое родство хуже проклятья. Мама предвидела это, и, как только случился скандал с семьей Чезаре, мы переехали еще дальше, практически к границе. Чтобы никогда, никаким просто боком не принимать во всем этом участия. Мама всегда меня от этого ограждала. Нам не нужны были деньги, которые достаются таким путем, мы жили скромно. Я получала стипендию в университете и подрабатывала, мама работала учительницей.

Год, это случилось год назад. Я не знаю деталей, но мама сказала, что нам нужно срочно уезжать из Ламенто. Мы преодолели тысячи километров и жили в нашем маленьком, но очень уютном доме. Я верила, что все позади и это нас не коснется, но чума все равно пришла в наш дом. Вито Чезаре приехал и забрал меня себе.

Дышу часто, сердце колотится как молоточек.

В запястья впивается холодный металл наручника. Мы едем долго, изредка впереди мужчины переговариваются между собой. Машину Вито Чезаре я не вижу. Он сразу вырвался вперед, и теперь я понятия не имею, куда он меня везет, что будет.

Как же я испугалась, что он выстрелит. Не в меня — в маму. Этот монстр в жестяной маске приехал сюда, чтобы убить нас, вот только почему я все еще жива?

Что со мной будет, не знаю. Могу лишь молиться о том, чтобы этот демон не вернулся и не прикончил мою мать. Она ни в чем не виновата, но у нас тоже фамилия Моджильяни. Ха, это все равно что иметь красное клеймо прямо на лбу.

— Куда мы едем? Прошу, скажите, куда! — не выдерживаю, мне страшно.

Мы несемся по ночной дороге. И они рядом, точно стражники, адовы псы, которые увозят меня в самый центр пекла, хотя, по сути, так оно и есть. Я просто пока этого еще не знаю.

— Синьор, остановите. Отпустите, умоляю!

Бьюсь как птица об дверь, но без толку. Им просто все равно.

— Приказы Вито Чезаре не обсуждаются. Как Ворон сказал, так и будет. Притихни, мелкая, не то дальше поедешь с мешком на голове.

Я затыкаюсь быстро, резко понимая, что никто тут со мной церемониться не будет.

Сглатываю судорожно, дергаю рукой, но наручник очень плотно закрыт даже на моем тонком запястье. Да ладно, успокойся, Скай, что может быть хуже?

Что там такое? Он боится журналистов, известности? Не смешите. Такие, как Чезаре, никого и ничего не боятся. Это их боятся, это перед ними склоняют голову. Вито сам меня заковывал, я все еще чувствую его холодные руки в перчатках. И маска. Зачем он носит эту жуткую маску? Что там, под ней? Неужели он настолько уродлив, что ему надо прикрывать свое лицо?

Мне хочется пить, но подать голос больше не решаюсь. В машинах прохладно, моя тоненькая белая ночнушка не греет.

Голова болит, но спать не хочется. Адреналин пульсирует в висках. Это дело... громкое дело Чезаре. Я вспоминаю, как видела статью в газете. Был страшный пожар в их старинном замке, но деталей не было описано, не было даже фотографий.

Все вокруг да около, но было четко указано, что началась война. Между кланами Мод-жильяни и Чезаре.

Куда он везет меня? На суд? К репортерам, на всеобщее обозрение? Не знаю, мысли хаотично прыгают в голове.

Марко. Мой дядя. Он уже знает, что меня забрали, или нет? Мама скажет ему... боже. Теперь только я понимаю, что нас специально оставили в живых. Не потому, что пожалели, нет. Мы наживка, приманка, Вито Чезаре просчитал просто все.

Мы едем по дороге несколько часов, водитель несется, точно призрачный гонщик, нарушая правила, ведь они сами закон и порядок.

Мимо переходов, светофоров, никак остановок у нас нет. Мы очень спешим, или они просто так привыкли ездить, при этом очень тихо, незаметно для толпы.

Точно ночные птицы, мы перемещаемся по городу, пока, наконец, я не узнаю свой родной Ламенто. Я здесь выросла, до какого-то времени тут жила. А после машина ныряет в подземный туннель, и все. Даже одинокие светофоры заканчиваются. Мы погружаемся во тьму, в тотальный просто мрак, где видны лишь бетонные балки стен и небольшой свет от фар впереди дороги.

Это тайный ход, ведь здесь лишь одна наша машина. Мы глубоко под землей, в какой-то момент у меня даже закладывает уши, и я прикрываю глаза.

А потом свет. Наконец мы выбрались из туннеля и теперь едем по густому сосновому лесу. Здесь совсем другая дорога и очень чисто. Мы в горах, и, подняв взгляд, я вижу это — огромный старинный замок в готическом стиле. С кучей башен, высокими окнами и острыми, как лезвие, пиками.

Он графитово-серого цвета и располагается на самой высокой точке горы.

И мы едем прямо туда, в этот замок, который больше смахивает на родовое поместье вампиров.

Дорога к замку извилистая и узкая, в какой-то момент я выглядываю из окна и вижу ров сбоку. Одно неверное движение водителя, и мы скатимся вниз.

Страшно, дыхание перехватывает, особенно когда мы проезжаем через деревянный мост — единственное отделение дороги от замка. Этот небольшой переход, а под ним еще более глубокая яма, и что самое жуткое: я не вижу в ней дна. Там просто пропасть. Черная бездна и густой серый туман, из которого изредка выглядывают крошечные верхушки деревьев.

Сильнее ухватываюсь за дверцу. Наручник мне уже не мешает, а после мы проезжаем в открытые высоченные ворота и наконец оказываемся во дворе. Уже утро, сереть начало, но солнца нет. Кажется, оно тут простоту отсутствует.

Водитель паркуется, выходит из машины. Открывает дверь с моей стороны и отстегивает мой наручник.

— На выход.

— Куда? Зачем?

— Приказ господина Чезаре.

— Я никуда не пойду!

— Или сама, или силой потащу. Здесь каменная кладка везде. Ты сотрешь ноги до костей. Только порадуешь Ворона.

Это меня отрезвляет, и, быстро выбравшись из машины, я иду следом за охранником. В замок, в это жуткое готическое поместье, которое внутри оказывается настолько впечатляющим, что я даже на миг зависаю: каменные стены и пол, красные ковры, старинные картины.

Этому замку не сто лет и даже не двести. Судя по материалам, ему шесть или семь веков. Боже, почему мой мозг думает именно про это сейчас, какая глупость.

Я не успеваю здесь все разглядеть, так как довольно быстро мы спускаемся вниз, и здесь больше нет никаких ковров. Тут вообще больше ничего нет. Это подвал.

Охранник передает меня своему... коллеге? Из рук в руки. Этот же вообще точно статуя — просто молча открывает дверь. И я стою, смотрю на это и пошевелиться не могу. Напротив меня камера два на два. Тут нет даже окна, это темница.

— Входи.

— Вы что? Я не пойду туда, ай!

Охранник толкает меня в спину, и я больно приземлюсь на холодный пол. А дальше тяжелая металлическая дверь с грохотом захлопывается, и я оказываюсь в кромешной тьме.

В темнице подвала замка. В страшной пасти этого дикого зверя по имени Вито Чезаре.

Никаких удобств, это похоже на филиал ада. Холодно, темно и тесно, точно в ореховой скорлупе. Не знаю, сколько времени я бьюсь в дверь, но никто мне не отвечает. Но они там точно есть, я слышу рядом тяжелые шаги охраны.

Мама. Она жива? Они ее не тронули? Не знаю, и от этого становится только хуже.

Обхватываю себя руками и забиваюсь в самый угол. Босая, в тоненькой ночнушке. Как быстро я здесь простужусь, как скоро он бросит меня умирать тут? Риторический вопрос, Скай, куда уж хуже?

Проходит время. Час, может больше, а после я снова слышу шаги, и наконец заветный поворот ключа в замке.

Это Он. Вито Чезаре. Охрана звала его Вороном, и теперь я понимаю почему. Он похож на него — такой высокий, в черном кожаном плаще, сильный. И снова в этой жуткой маске, а что под ней? Неужели он настолько уродлив, что даже не открывает своего лица окружающим?

— Ко мне.

Шаг вперед, но я не двигаюсь. У меня так бывает, когда страшно. Некоторые бегут или сражаются, а я просто застываю.

— Ты меня не услышала? Я сказал, сука: ко мне.

Глава 3

Со мной никогда так грубо не разговаривали. Словно я не женщина, словно вообще даже не человек. Для него.

— Почему вы мне приказываете? Что вам надо?

— Мне нужна твоя жизнь, и она уже у меня. Повинуйся.

— Может, мне еще поклониться вам и поцеловать ваши ноги?

Он усмехается, я слышу это даже через его непроницаемую маску. А что за ней? Он настолько уродлив, что стесняется собственных подопечных?

— Ты обязательно поцелуешь мои ноги и поклонись мне. Ты будешь делать это каждый раз, пока не сдохнешь.

Это ненависть. Голая, неприкрытая, тотальная просто. Ко мне.

— А если нет? Вы так уверены в своей неприкасаемости? Я криминальный журналист, между прочим, и, как только выйду отсюда, я освещу все ваши действия! Народ все узнает!

Он подходит ближе, смотрит на меня свысока. Крепкий, здоровый и злой.

— А кто тебе сказал, что ты выйдешь отсюда?

Вот тут же меня пробрало. Он со мной не играет. Прямо говорит, как будто знает, что я и правда не вернусь домой.

— Встать!

Вито не просит — отдает приказы. Голосом командным, которым разговаривают с солдатами. Тело пробирает озноб, я поднимаюсь с колен и становлюсь напротив него. Боже, какой он высокий, я едва достаю до его груди.

Не знаю, как вести себя, такой может переломить тебя просто одним движением руки.

Упираюсь спиной в холодную стену. Бежать некуда, он загнал меня в угол, как зверька.

— Где Марко?

— Не знаю.

Его ладони, затянутые в черные кожаные перчатки, сжимаются в кулаки.

— Еще раз скажешь мне “не знаю”, и я скормлю тебя своим псам. Где Марко?!

— Я правда... я с ним не общаюсь, нас связывает только фамилия!

— Не только. Ты его родная племянница, ты его кровь.

— Мы с мамой не участвуем в его бизнесе, и если у вас с ним какие-то проблемы...

Я не успеваю договорить, потому что этот Вито делает шаг ближе, заставляя меня спиной вжаться в ледяную стену.

Замираю, когда он поддевает мой подбородок большим пальцем. Высоко задираю голову, смотрю на него через маску. Здесь полутьма, но я отчетливо вижу его глаза. Темно-зеленые, большие, окутанные черными ресницами. Глаза человека все же, не зверя, не демона, хотя я сомневалась в этом до последнего.

— “Проблема” тут только ты. Твой дядя организовал нападение на этот замок — мой дом сгорел и был разрушен. Твой дядя убил всю мою охрану, перерезал всех моих собак, а также убил прислугу! По вине твоего дяди я лишился жены.

Последние слова он произносит просто ледяным тоном, отчего у меня на глазах выступают слезы.

— Я не знала... простите! Он не виноват, этого быть не может. Не может.

Вито резко меня отпускает, а у меня кожа горит там, где он меня касался. Не руками даже, а перчатками из кожи.

— Защищаешь дядюшку — умница. Таких, как ты, первыми пускают в расход. И ты тоже пойдешь следом.

— Что? Что вы сказали...

— Я сдам тебя в самый гнилой бордель Ламенто, красавица, если твой дядюшка не выйдет на связь в ближайшие дни! И ты будешь гореть, как я горел, как пылал мой замок и умирала жена! Каждый день и каждую ночь тебя будут рвать на куски, пока ты не сдохнешь!

Вито сказал это с такой злостью и ненавистью, что я даже не смогла подобрать слова в ответ.

— А теперь посиди и подумай, где твой дядя, девочка, пока я не велел тебя отдать на потеху мужикам, которые будут только рады драть тебя во все дыры, а после играть на тебе в карты, поливая ромом.

Слезы ужаса покатались по щекам, я была ошеломлена этой жестокостью настолько, что не сумела дать ему отпор, я ничего не сумела.

Вито не бил меня физически, но словами он просто меня сделал. Я не знала, сколько ему лет и как он выглядит, но его энергетика меня положила на лопатки.

Он даже не толкал меня, я сама упала на колени, а после он вышел, хлопнула дверь.

В этот момент я совершенно отчетливо поняла, что мне конец. Теперь определенно точно я это осознала. Такие, как он, не прощают никого и ничего, а если это еще и коснулось лично его семьи и его жена в результате этого кошмара погибла, меня ждет участь куда страшнее смерти. Вито Чезаре четко дал это понять.

Вито

Марко Моджильяни спрятал своих родных детей, свою жену и залез в скорлупу сам. Он выехал в ту же ночь, все явно было договорено.

И когда мой замок пылал как факел, этот ублюдок уже смотал удочки и бросил просто все.

Это должна была быть обычная сделка. Ничего сверхъестественного, мы уже работали с драгоценными металлами, покупали и распространяли их. Сотрудничество с Моджильяни было бы выгодно нам обоим, но сделка сорвалась. Сначала одна, потом вторая, а после он и вовсе уперся рогом.

Мы потеряли время, хотели договориться мирно и без жертв, но Марко этого не понял. Он не только убил нашего горца, который пытался урегулировать конфликт, но и после просто пошел ва-банк.

Я думал, все утихло, уверен был. Я даже послушал своего брата Анжело, который был кардинально против любых давлений и вмешательств в семью Моджильяни.

Я послушал брата, я не делала ничего, а потом, спустя месяц, на замок случилось нападение. Нет, его не просто обстреляли. Моджильяни вырезали всю нашу охрану вместе с собаками, пригнали тяжелую технику и просто разорвали наш замок на куски.

Я помню ту ночь практически посекундно, пока еще был в сознании. Пока еще окончательно не понял, что моя жизнь сломана, как и этот самый замок.

Мы поужинали, моя дочь Лесси сразу ушла к себе. Отец Пабло даже не выходил в тот день, прислуга убиралась на кухне. Софи готовилась ко сну, и вскоре замок затих. Мы все уснули, а после я услышал грохот. Такой силы, что казалось, будто гора треснула и замок вот-вот провалится в пропасть.

В дальше ад. Огонь, выстрелы, крики паники. Это была боль в чистом виде, катастрофа, смерть моей семьи.

Моя София. Она испугалась, вцепилась мне в руки и умоляла меня вывести сначала дочь. Она просила, хоть я первой схватил именно ее, я хотел сначала вывести любимую.

— Пошли, Софи, быстрее!

Я тащил ее, Софи упиралась, тогда как я не понимал, как быть. Я растерялся, такого никогда не было, и Анжело, как назло, уехал из замка. Он предвидел опасность, а я нет.

— Нет! Исключено, пошли, я успею, я заберу ее по пути! — Вито, нельзя! Сначала Лесси, потом я!

И тогда Софи обхватила мое лицо ладонями, посмотрела мне в глаза. Я окунулся в чистую синеву ее взгляда. Она быстро поцеловала меня — хитрая лиса! Знала, что так я быстро успокоюсь. Я же тогда не знал, что это будет наш последний поцелуй. — Ты сам знаешь, что не сможешь! Проходы узкие, тайные коридоры вмещают только одного. Иди! — Я никуда не уйду без тебя, Софи! Значит, умрем тут вместе! — заорал я, встряхнул жену, она дрожала. И замок тоже дрожал, все выло, обваливались стены, трясся потолок. Тяжелые камни падали из старого здания, и это не кирпичи. Это огромные валуны, которые убивают сразу.

— Вито, любимый, замок обваливается! Я умоляю тебя, сначала Лесси, выведи сначала нашу дочь! Потом меня заберешь, но сначала Лесси!”

И я послушал. К этому моменту упала еще одна межкомнатная стена в нашем крыле, и я понял, что это могла быть комната Лесси.

Помню, как забежал туда, как увидел, что в спальне дочери выбито окно, а вместо стены огромная дыра на улицу.

Стена обвалилась, старые материалы не выдержали, и все обваливалось, точно карточный домик. Лесси забралась под тяжелую металлическую кровать — это ее и спасло. И пока я отодвинул те камни, пока вытащил дочь, прошло время. Я потерял это время сам. Сам же.

Лесси кричала, и это адски больно. Видеть тех, кого любишь, напуганными, особенно если это твой ребенок.

После я поднял эту тяжелую кровать, не знаю даже, как у меня хватило сил, тогда это казалось неважным. Я вытащил Лесси оттуда, схватил ее на руки и, прижав к себе, пошел с ней на выход через тайный коридор. Благо я додумался закутать дочь в свою кофту, этот материал не поддавался огню. К тому моменту пожар уже пожирал замок.

Я знал, куда надо идти. Это был самый короткий путь — конечно, я знал все тайные ходы в замке как свои пять пальцев. София тоже знала, но хуже. Мы с Анжело тут выросли, мы облазили тут просто все.

Какие-то минуты — может, даже меньше. Я ощутил, что мою одежду охватило пламя, оно жрало меня заживо. Я буквально горел, но не обращал на это никакого внимания.

Замок продолжали обстреливать, мне надо было вынести Лесси невредимой, а потом вернуться за Софи. Отец сам выйдет, он знает этот замок лучше всех.

Лесси плакала у меня на руках и крепко держала меня за шею. Я пробирался практически в темноте, закрывая ее от огня.

А потом воздух, ночь на дворе и везде трупы.

Помню, что упал на траву с Лесси на руках. К этому моменту я уже практически не чувствовал лица. После что-то сильно громыкнуло, и, подняв взгляд вверх, я увидел, что стена в нашей с Софией спальне была раздроблена, ее просто разнесли на куски.

Я заорал тогда, у меня потемнело перед глазами. Там была Софи, и я понял, что она не выбралась. Не смогла, тот тайный ход, по которому я выбирался, почти сразу завалило.

Софи просила, чтобы первой я вывел нашу дочь, и я послушался. Это решение стоило ей жизни, а мне жены.

Глава 4

Вито

Марко Моджильяни не просто открыл огонь первым. Он сделал это подло, когда подкрался ночью к моему дому, к моей семье. Вместо того чтобы договориться, чтобы хотя бы попытаться найти компромисс, эта жадная тварь лишила меня самого ценного — моей женщины.

Софи погибла на месте. Шансов спасти ее не было ни одного. Когда ее нашли и вытащили из-под обломков, было уже поздно. Моя жена знала замок, но недостаточно хорошо для того, чтобы сориентироваться в его тайных коридорах во время обстрела. Софи не смогла быстро выйти, и я ей ничем не помог.

Я выбрал дочь не потому, что меньше любил жену, а потому, что ребенок был у нас на первом месте. Всегда.

Все лучшее с Софией мы отдавали Лесси, потому что она у нас одна. До рождения дочери я словно не жил, все меркло по сравнению с этим счастьем.

Мы планировали с женой второго ребенка и активно работали над этим, но вместо счастья рождения у нас были похороны. Сотни людей пришли попрощаться с Софией, тогда как я не верил, что этот кошмар происходит со мной. Со всеми нами.

Помню, как открыл глаза в больнице и совершенно не понимал, где я нахожусь. Что случилось, почему я в палате, а не дома с семьей. Пришел врач, сказал, что было нападение на замок и София не выжила. Я орал тогда. Если бы у меня был пистолет в руке, я бы его прямо там прикончил.

Я не верил, этого просто не могло случиться. Это словно было кошмарным сном, который стал явью. Кто угодно, но не она, только не моя София. Потому что она была центром моей вселенной, моей опорой, моим, блядь, маячком в этой жизни.

Шестнадцать лет брака не стереть одним махом, такое не забывается — и не прощается тоже. Никогда, ни за что на свете.

Это время, когда вы уже выросли друг в друга, когда вы целое, а после по велению какого-то ублюдка все рушится. И нет больше ни женщины, ни жены, ни матери. Лесси осиротела, весь замок вмиг осиротел.

Мне стало плохо, дурно даже как-то. Я не верил, отчасти не понимал, не помнил даже. Все стало красным, в груди болело, пищали приборы как не в себя.

Мне тогда быстро вкололи что-то в руку, и меня вырубил, потому что слишком больно. Я чувствовал, как разрывается сердце, и не мог в это поверить, не мог принять.

Следующий раз я уже пришел в себя перебинтованный, точно мумия. Рядом стоял Анжело, бледный как стена. Мой упрямый братец полжизни страдал по одной шлюшке, которая выбрала не его.

Это было занятно, потому что в итоге Анжело женился на ее дочери. Волновало ли это меня? Нет. Мне было все равно, я просто хотел, чтобы Анджело, наконец, начал жить, а не барахтаться в воспоминаниях былого.

По одному лишь его взгляду я понял, что это не страшный сон, не сказка. Анжело сухо сказал, что София не выжила, и это был последний гвоздь в крышку моего гроба. Тогда я окончательно поверил, я горел, мне перебили позвоночник одним просто ударом. Больше быть не могло, больше, блядь, некуда.

А дальше реанимация, перевязки, адская просто боль. Мне было нельзя вставать, от меня буквально отваливались куски обгоревшей кожи. Больше всего пострадали лицо и руки. Какая ирония, ведь, когда выносил Лесси, я не чувствовал, что горю. Не до этого было, я просто хотел спасти своего ребенка. Я хотел, чтобы Лесси не страдала так, как я.

Это была наша клиника, наши доктора, мы ведь не только зачищали криминал, мы сами строили наш город. Врач сразу сказал, что потребуются десятки операций, чтобы восстановить мое лицо, но плевать я на это хотел, мне просто все равно уже было.

Я и так уже сдох, для кого мне быть красивым? Для Софии всегда старался, она любила меня таким, каким я был, а теперь что? Ничего просто не осталось. Монстр на лице, такой же монстр сидел и внутри теперь. Раненый, голодный и жаждущий мести.

Меня не выписали — я сам ушел раньше, потому что просто больше не мог бездействовать.

Анжело с отцом организовали похороны, меня на них никто не звал. Я сам пришел, привели, точнее. Я не мог не попрощаться с любимой, ведь это самое малое, что я уже вообще мог для нее сделать.

Я хотел проводить Софи в последний путь, иначе она бы виделась мне просто каждую минуту.

Мы хоронили ее в семейном склепе. Софи была в свадебном белом платье. Красивая, такая моя и уже неживая.

Когда я поцеловал в последний раз ее холодные губы, у меня уже не было ни слов, ни сострадания. Я сам стал болью. Невыносимой, такой адской, такой, сука, страшной, что я просто хотел лечь рядом с ней и успокоиться.

Но отец и Анжело крепко меня держали. Анжело вообще ни на шаг от меня не отходил. У него тоже что-то случилось, но мне было не до того. Настолько, что я даже не спрашивал, где Лесси и почему ее нет на похоронах.

Уже позже Анжело скажет, что они специально ее не брали. У Лесси был шок, истерики, все боялись за нее и не хотели ранить и без того расшатанную за последнее время психику.

Я понял, я не осуждал, но и смотреть в глаза дочери тоже не мог. У меня не было на это морального права.

Я не заходил к Лесси, не говорил с ней, не мог.

Ее выписали очень быстро, и она теперь в замке. Это пока все, что мне надо о ней знать. Мне не о чем говорить с дочерью больше. Я не спас ее маму и клянусь, я ненавижу себя за это каждый чертов миг. Лесси жива, она в безопасности, она рядом. И хоть мы с ней теперь не общаемся, я просто хочу знать, что с ней все в порядке, не более того.

Так странно: память умеет впечатывать самые жуткие моменты посекундно. Помню, как после похорон я дополз до ванной и остановится напротив зеркала. Среди разрухи, среди осколков мебели и обгоревших камней.

Я медленно разматывал бинты, повязки спадали с меня вместе с корочками обгоревшей кожи.

Боль была адской, мои руки дрожали, но уже не было сил кричать. Я не пил обезболивающее специально, потому что хотел быть с Софи на равных. Нет, Вито, ты будешь страдать так же, как страдала она. И если я допустил ей такую боль, то облегчать собственную теперь просто не имею права.

Я поклялся тогда всеми богами на свете, что отомщу Моджильяни, и уже на следующий день начал поиски.

Марко знал, что я не сидел сложа руки. Конечно, он подготовился. Когда я дал указ найти и убить эту суку, его уже не было в стране. Ни его, ни его детей, ни каких-то родственников.

Мы перекопали просто все, время прошло, и не было никаких зацепок. Я бросил работу, не занимался замком, я не делал просто ничего, что не относилось к поискам. Мы пробивали Моджильяни по всем каналам, но он просто залег на дно. Настолько, что даже наши ищейки разводили руками.

Я психовал, злился, а сделать ничего не мог, а потом я сам нашел ниточку.

Этот наивный идиот думал, что мы не будем копать на таком уровне, но он ошибся. Мы нашли их в самой далекой деревне у границы. В крошечном захолустье за городом, где стояли одинокие дома и практически никто не жил. Его сестра по отцовской линии и племянница из трущоб. Бинго, это было оно!

Я зарядил оружие — конечно, я готовился ко встрече с ними.

Это была удача — пожалуй, последняя возможность отомстить. Мы вычислили их через документы университета. Его племянница там училась, а дальше была дорога. Мы доехали как раз к ночи и вошли тихо. Я хотел понять, как они живут после того, что натворили.

Это был даже не дом, а просто крошечная ночлежка. Две комнаты, камин, гостиная. У меня продуктовая кладовка в замке и то больше, чем весь этот дом.

Никакого золота, украшений, жили они скромно, но я уже привык к таким декорациям. Я работаю с этим уже больше двадцати лет, я сожрал собаку на этом и прекрасно знаю, что за этим муляжом может скрываться совсем иная картина.

Я зашел в первую попавшуюся спальню. Там стояли письменный стол, стул и кровать. На ней спала девушка. Отродье Моджильяни, племянница.

Я схватил ее и всмотрелся в лицо. Длинные светлые волосы, белая кожа, она пицала как котенок и в ужасе смотрела на меня.

Глаза серые, большие, она трепыхалась в моих руках птицей, тогда как я мечтал вырезать ей сердце прямо там.

Мы пришли, чтобы убить их, я не удержался, чиркнул спичкой. Путь это будет маленький привет Марко.

Дом вспыхнул быстро, мамашу ее тоже нашли.

Мы выволокли их на крыльцо и поставили на колени. Мне честно было плевать, кого пристрелить первой — молодую или старую. Я хотел узнать лишь то, где скрывается Марко.

Когда навел на мать, девчонка бросилась к ней. Смелая, отчаянная и глупая. Она не понимала, что мне ничего не стоит просто дважды нажать на курок, и я правда хотел это сделать, но после меня посетила гениальная идея, Нет, не так, рано.

Так как они мой единственный козырь, сделаем иначе.

Марко все равно где-то сидит, и он очень дорожит семьей. Раз так, хорошо, сделаю по-своему. И я отдал приказ забрать молодую. Старуха в тот же час сообщит Марко, что это был я. Я оставил небольшой медальон ее матери с изображением ворона. Марко все поймет, потому что мое второе имя — Ворон.

Во мне кипела кровь, я хотела содрать шкуру с этой девчонки, но вовремя остановил себя. У меня еще представится такая возможность, а пока я подожду, пока вылезет Марко. Мы будем ловить его на живца, и Моджильяни точно заглотит этот крючок, а после я избавлюсь от сероглазки.

Глава 5

Франческа

Этот замок хранит много тайн, и хоть я работаю здесь уже более тридцати лет, не знаю разгадок даже на половину.

Когда-то давно здесь было светло. Нет, само строение не изменилось, просто аура была другая. Время, когда Пабло Чезаре был молод, а рядом с ним находилась его жена Анна. Период, когда еще был жив его брат Микеле, какое-то время он жил здесь со своей женой Марией. Все были молоды, не так давно женились и надеялись на долгую жизнь.

Потом начали появляться дети: близнецы Анжело и Эдуардо, а также Вито. Они были такими маленькими озорными мальчишками, которые разносили замок своим смехом и играми, не давали никому скучать. Это было счастье в чистом виде, мне тогда казалось, что так будет всегда.

Крепкая семья, большой дом, серьезный развивающийся клан. Пабло и Микеле не боялись ничего и никого совершенно. Разве только своих демонов, которых не показывали никому.

А после раскол, трещина, падение. Микеле с Марией резко съехали, а Анна вскорости трагически погибла. И все, черные тучи над замком сгустились, и небо, кажется, плачет до сих пор.

Семьи развалились быстро, клан пошатнулся, а дети стали сиротами.

Но на этом беды в замке Чезаре только начинались. Мария оставила одного из близнецов здесь, а второго забрала с собой и уехала в Россию. Маленький Анжело остался один — ох, как же он тосковал по матери. Ночи не спал, звал ее, ведь именно Анжело был более нежным, более привязанным к Марии.

Как она могла с ним так поступить, как вообще можно делить сыновей, не знаю. Мальчика было жаль, я пыталась заботиться о нем как мать, укачивала его, пела ему песни, играла с ним, но Анжело был безутешен. Он затаил обиду на мать и носил ее в себе долгие годы.

Вито, его двоюродный брат, тоже рос без матери, но он был больше привязан к отцу. И все одно к одному: Пабло так и не нашел замену Анне, Микеле больше не возвращался, Мария бросила ребенка. Все сломалось, упало точно карточный домик в один миг.

Мальчишки остались в замке и оба выросли без материнского тепла. Анжело страдал, конечно, сильнее, ведь он не видел обоих родителей, к тому же был оторван от своего брата-близнеца. Это ранило его, в дальнейшем Анжело очень сложно было строить хоть какие-то отношения и женщинами, имея такую сильную обиду на мать.

Но спасал Пабло, который стал отцом не только для родного сына Вито, но и для племянника Анжело. Он заботился о них, хоть и растил мальчиков в ежовых руках, а после прошли годы. Мальчишки подросли. К тому моменту Мария родила еще одного сына в России и умерла. Деталей я не знаю, но после умер и Микеле следом. Я не знаю, что там случилось, ведь они жили в замке и ушли так рано. Это пугало меня, люди начали шептаться, что в замке проклятье. Что все, кто живет здесь, умрут молодыми, особенно женщины.

Нет, я не была наивна и глупа, не была и суеверна, но, когда спустя годы на замок напали и погибла жена Вито Софи, я уже не была в этом так уверена. Мне самой стало страшно, хотя я уже разменяла седьмой десяток.

Ох, лучше бы стариков забирали, они свое отжили, а не молодых, которым жить да жить еще. Больше всего я боялась за Лесси. Это единственная девочка, которая здесь выросла. И если мальчишки были резкими и могли бы убежать в случае опасности, то Лесси была беззащитна. Хрупкая, точно цветок, излюбленная родителями, она так тоскует теперь по матери, что мне больно на нее смотреть.

Замок обгорел, все изменилось после трагической гибели Софии. Наш дом был разрушен настолько, что последний год Анжело с Лео практически каждый день приезжали сюда контролировать ход работ. Правое крыло восстанавливали почти с нуля, оно было развалено.

Всегда собранный и контролирующий, Анжело сделал все, чтобы восстановить замок в кратчайшие сроки. Конечно, сил ему придавало то, что его любимая Белла нашлась, они теперь вместе. Белла совсем недавно родила их первенца. Мальчик, назвали Маттео, до чего же крепкий и красивый парень.

Они живут в замке, в своем крыле, хотя очень часто остаются на вилле у моря. И я рада за Анжело. Наконец его глаза горят счастьем. Он словно снова стал тем живым мальчиком, которым я знала его двадцать лет назад.

Как бы я хотела, чтобы на этом все закончилось, но нет. Тогда как Анжело обрел свое счастье, ожидая его два десятка лет, Вито его утратил спустя шестнадцать лет брака.

Их союз с Софией был крепким и долгосрочным, про такие говорят “раз и навсегда”. Они были изначально разными, но София хорошо повлияла на взрывного и упрямого Вито. Она была той тихой гаванью, тем берегом, который хранил не только их семейный очаг, но и очаг всего замка.

София была мудрой женщиной, все любили ее, и, конечно, Вито любил. Они хотели второго ребенка — родить его в любви, но вместо этого нас ждали похороны.

Гибель Софии была страшной, ведь если когда-то давно Анна по ошибке упала со скалы и разбилась насмерть, то Софи погибла прямо в замке. Ее тело доставали из-под завалов, а сам Вито получил страшные ожоги, спасая дочь. Еще одна семья развалилась в замке, и смотреть на страдания Вито, который вырос на моих руках, теперь мне невыносимо.

И вот мы живем. Иногда мне кажется, что замок тихо воеет, что ему больно, но я не знаю, как и чем ему помочь. Я хочу разгадать этот ребус, но это под силу более сильным игрокам, уж точно не служанке.

Вито. Мой упрямый господин, я воспитывала его как собственного сына. В отличие от Анжело, который был Пабло неродным и старался выслужиться, Вито все доставалось проще. И деньги, и внимание отца, а после, когда он вырос, и женщины.

Вито был баловнем судьбы и особо ни в чем не знал отказа, но София была той, на ком в итоге он остановился. Именно она собрала его и сделала настоящим отцом и мужем, это всецело ее заслуга.

Похороны Софии были страшными и одновременно прекрасными, до того жутким зрелищем было видеть у ее могилы тысячи букетов цветов. Все оплакивали Софию, и только Вито не плакал. Я ни разу не видела его слез за все это время, он... он словно застыл, закрылся от всех, даже от Анжело.

Они до того часто спорили, но преимущественно по работе, а теперь отношения между братьями стали холодными. Ведь когда один получил заветное счастье, второй погрузился в страшное горе потери.

Им не о чем было говорить, и хоть Анжело старался поддержать брата, но ничем не мог помочь. Горечь от гибели жены сделала в груди Вито огромную незаживающую рану. Он озлобился на всех и только и делал, что искал того Моджильяни, который словно под землю провалился.

И время шло, сменялись сезоны, а замок как стоял, так и стоит на горе.

Теперь Пабло работает с Анжело, все кажется спокойным, вот только спокойствием тут и не пахнет.

Вито сильно изменился, и в худшую сторону. Без своей Софии он стал очень сильно похожим на молодого Пабло: резким и взрывным, ничего не прощающим.

И теперь я уже боялась не только за Вито. Я боялась самого Вито. Его боль почернела, стала ядовитой и убивала уже все вокруг. Он горевал, но ни дня не бездействовал.

Его лицо. Боже, я видела один раз, но не смогла смотреть прямо. Никаких операций Вито не сделал, хотя врачи умоляли его послушаться. Но для того Вито слишком упрям и своеволен. Он даже не принимал обезболивающее, все на себе хотел ощутить, обвиняя себя в гибели Софии.

Помню, что тогда же Лесси увидела отца после операции. Мы были в коридоре, Вито шел нам навстречу.

Лесси остановилась и, увидев Вито, вскрикнула от ужаса, отвернулась. Я быстро обняла ее и крепко прижала к себе.

Вито стоял неподвижно, и это было так страшно. Не столько даже его шрамы, сколько то, что родная дочь испугалась отца. Такого никогда не было, но теперь все иначе.

Вито тогда прикрыл ту часть лица, которая была в шрамах, ладонью, резко развернулся и ушел. Он не сказал ни слова, тогда как Лесси плакала у меня на плече. Она была очень нежным и излюбленным родителями ребенком, но беды сыпались на нее в последнее время точно из рога изобилия.

Немудрено, что такая реакция, ведь Вито до нападения был очень красивым, маленькая Лесси оказалась не готовой увидеть отца после таких изменений. Не потому, что не любила его, а потому, что никто не знал, как ей объяснить все это. Что мамы больше нет, а отец получил серьезные ранения и больше не выглядит так, как мы все привыкли.

Они так и не поговорили тогда. Лесси плакала весь день и не выходила из комнаты, я утешала ее как могла. Вито тоже не зашел к дочери, думаю, он боялся сделать хуже, хотя куда уже хуже, не знаю.

Вито тогда не выходил из комнаты неделю, а потом приехал Лео и привез ему маску. Уж не знаю, где он ее достал. Лео отдал эту маску Вито, он надел ее, и больше я его не видела без нее.

Маска была металлической снаружи и кожаной изнутри. Она закрывала практически все его лицо. И теперь уже я сама с трудом узнаю Вито, потому что маска не только сделала его внешне другим, но и внутренне он сильно ожесточился, спрятавшись за нею.

Прошло время, но Вито и Лесси до сих пор не обращаются, и это, пожалуй, ранит мое сердце больше всего на свете.

Я пыталась воздействовать на него через Пабло, но он только разводил руками. Вито уже не маленький мальчик, он сам принимает решения. Конечно, я понимала Пабло, но все же мне было жаль, ведь я знала, что Вито мог быть другим. К сожалению, смерть Софии срезала все то хорошее, что она выстроила в своем муже под корень. И это был даже уже не Вито, а Ворон. Жестокий и обиженный на весь мир.

Анжело

Этот год перевернул все с ног на голову. Появление Беллы изменило просто все. Рождение Маттео вдохнуло в меня новую жизнь, вот только замок остался прежним. И Вито. Его трагедия, иначе не назовешь.

Я помню их с Софией свадьбу. Все было красиво, как и они сами. Софи была тем буйком, за который крепко держался мой брат. А теперь ее нет, и Вито словно тоже нет, он умер, сдох в тот же день следом за нею.

Я на работе. Достаяю телефон. Франческа звонит, хотя это редкость. И хоть дел по горло, сразу беру. Там Пабло, который уже далеко не молод, Лесси, которая осталась одна, и Вито. По нему больше всего вопросов, хотя мы эти месяцы практически не общались. Мой брат озлобился и никого не подпускает к себе. Все свои дела он сбросил на нас с Лео, но я даю ему время. Пережить такое не каждому дано. Шестнадцать лет брака. Я бы, наверное, уже сиганул с горы, но только не Вито. Он не может. У него дочь.

— Алло.

— Анжело, приедь в замок, пожалуйста. Это срочно.

Большого мне не требуется. Никаких долгих разговоров. Франческа не та, кто будет звонить по пустякам.

Благо Белла и Маттео сейчас на вилле, за них я спокоен. Без меня жена не хочет оставаться в замке, и я могу ее понять. Слишком живо еще, слишком много воспоминаний, да и сама аура замка. Это не очень хорошее место для Маттео, который еще даже не начал ходить.

Бросаю все дела. Еду в замок. Какое-то предчувствие гложет внутри. Что-то будет. Что-то уже началось. И это делает Ворон.

Глава 6

Здесь холодно, здесь сыро. Настолько жутко, что пробирает до костей.

Я очень быстро понимаю, что никто тут со мной церемониться не будет. Будет так, как сказал Вито Чезаре, он тут закон, его слово решает.

Он смотрел на меня как на смертницу. Я это видела даже через его жестяную маску.

А что под ней, почему он прячет свое лицо, я не знаю, мой мозг подкидывает догадки — одна страшнее другой.

Я хожу босая по этой камере и не знаю, как мне быть. Сколько времени прошло? Час, два, четыре?

Что говорить, как умолять его не отдавать меня в притон? Почему-то я уверена, что Вито сделает это не моргнув и глазом. Я никто для него, просто наживка. Он бы и рад уже свернуть мне шею, но ждет ответа от дяди. Я пока ему нужна. Живая.

Моя темница темная, но, когда тучи рассеиваются, я вижу крошечный проблеск света в одной из стен. Это не окно, а трещина, вероятно появившаяся после пожара. Когда я шла сюда, то заметила, что многие камни были чуть иного оттенка. Замок серьезно повредили, одна из его башен была отстроена полностью.

Кое-как я взбираюсь выше и заглядываю в эту щель. Я вижу заднюю часть двора, и она просто огромная. Первое, что бросается в глаза, — это розарий. Сотни кустов белоснежных роз, густо посаженных у замка. От этой красоты рябит в глазах, зрелище просто завораживающее, до чего же хрупкие они.

Становится грустно. Как же они тут, эти несчастные розы? Здесь нет солнца, мы высоко в горах. Похоже, они тоже страдают здесь, как и все остальные.

А после я вижу девочку лет пятнадцати, со светлыми, чуть выгоревшими от солнца волосами. Она гуляет по заднему двору, проходит мимо роз, срывая одну на ходу и вплетая ее в волосы. Очень красивая и нежная, как эти самые розы.

Эта девочка тут живет, это ее дом. Я понимаю это по ее расслабленным движениям и неспешной, даже меланхолической походке.

Она гуляет одна, касаясь кончиками пальцев роз. Я не вижу вблизи ее лицо, вижу лишь светлые волосы, которые уложены в крупные волны и заколоты наверх на макушке.

Сама же девочка почему-то в длинном черном платье. Так странно, почему именно такой цвет, разве он ей по возрасту, зачем вообще одевать в такое подростка? Если только у нее не траур.

— Эй! Девочка! Иди сюда! — не выдерживаю, зову ее громко, но она не слышит. Кажется, замок поглощает звуки, она даже не реагирует, а после к этой девчужке подлетает огромная черная птица, взбудоражившая своими роскошными крыльями воздух.

— О боже... — шепчу едва слышно, я такого не видела еще никогда, это чудо какое-то.

Огромный ворон, он ручной!

Ворон садится девочке на руку, и я только сейчас замечаю, что на ее левой ладони большая перчатка. Она наклоняется к небольшому металлическому ведерку и достает оттуда-то какой-то корм, подбрасывает вверх.

Ворон тут же реагирует и, громко каркнув, взмахивает крыльями, ловко хватая добычу.

Сделав еще два контрольных круга, эта удивительной красоты птица со смоляным окрасом улетает вверх.

Сглатываю, вглядываясь в щель стены. У этой девочки ручной ворон, до чего же он красив и опасен. И что удивительно: она его совсем не боится, а играет с ним, точно со щенком.

Кому принадлежит этот ворон и что здесь вообще происходит, не знаю. Знаю только то, что Вито Чезаре меня ненавидит и будет только рад сбегать меня в притон.

— Помогите! Помогите, кто-нибудь!

Я делаю еще несколько попыток, но меня никто не слышит. Ни та девочка, ни садовник, который проходит следом за ней, и я понимаю, что, похоже, так и умру тут, в этой страшной темнице.

Похищенная, замерзшая, забытая всеми. А может... может, Вито про меня уже забыл? Он просто оставил меня здесь, замуровал и бросил.

От этого становится жутко. Страх скользкими шупальцами подкатывает к горлу, и вот я уже не такая боевая, какой была вначале. Мне страшно, а страх делает людей уязвимыми. Всех людей.

Обхватываю себя руками, глухой кашель вырывается из груди, а после я слышу глухие шаги по коридору, дверь распаивается снова. К этому моменту я уже продрогла до костей. Я хочу есть, пить и надеть носки потеплее.

Монстр собственной персоной, мой каменный господин, он же Вито Чезаре.

Мой похититель входит тяжелым шагом в мои хоромы, и на нем в этот раз нет больше плаща. Он в черных брюках и такой же рубашке, закатанной на рукавах. И в маске. Все еще в маске, я вижу, что она завязывается у него сзади на волосах.

— Живая.

Как-то он не рад. Совсем даже.

— Надеялись на другое?

— Не дерзи мне, девочка.

— Мне больше ничего не остается, кроме как дерзить вам! А у вас тут очень даже мило, все такое современное. И камни эти. Лофт, кажется, стиль.

Не знаю, почему несую эту ересь, от холода сводит зубы. И еще мне страшно. Я боюсь его, хоть и не собираюсь этого показывать.

Я маленький гордый воробей. Я Скай и не собираюсь пасовать перед мафиози.

— Это камера смертников.

— Как-то неоригинально, я думала, отель посуточный.

— Рот закрой, тебе слова не давали.

— Ну вы же пришли меня навестить, значит, я имею для вас ценность, а хотя знаете что: вы просто лжец! И вы сами меня боитесь! Я же сказала вам, что я криминальный журналист, вот вы и вы боитесь разоблачения, потому закрываете лицо! А говорили, Чезаре никого не боятся! — выпаливаю, хорохорюсь, как птичка в клетке. Хуже быть не может, хуже все равно некуда.

Я хочу задеть его, но совершенно не понимаю, имеют ли мои слова хоть какую-то власть. За маской совершенно не видно его эмоций.

— Ты не хочешь видеть моего лица, — басит, но маску не снимает. Он не юн, но и не старик однозначно тоже.

— Это еще почему? Вы такой страшный, что я в обморок упаду?

— Женщины падали в обморок со мной, но не от вида моего лица.

— Сколько вам лет? Я бы дала вам тридцать девять.

— Не твое дело.

— Угадала? Вам тридцать девять?

— Да.

Боже, это победа! Он ответил на мой вопрос, хотя, кажется, это его только разозлило.

Сглатываю, он поворачивает голову набок, словно... разглядывает меня. Смотрит, точно сканер, тогда как мне хочется прикрыться.

— Где скрывается Марко?

— Не знаю.

— Тогда посиди и подумай еще в своем лофте.

— Стойте! Вито, не закрывайте двери!

Догоняю его, хватаю за руку. Мне все равно, как это выглядит. Плевать я на это хотела. Но он резко отрывает от себя мою руку, отталкивает, и я плюхаюсь назад, больно ударяясь пятой точкой о камень.

— Не смей меня касаться!

— Здесь очень холодно! Я замерзла! Здесь нет света и тепла, нет еды... условий.

Он молчит, но смотрит. Как на букашку какую-то просто.

— Мы не кормим смертников.

— Я жить хочу! Пожалуйста! Я вам живой все равно нужна, слышите?! Дядя не будет ничего делать, если со мной что случится! — выкрикиваю это уже ему в спину, и монстр останавливается, поворачивается ко мне.

Я же вся просто дрожу. Высокий, сильный, большой. Это единственная ниточка, зацепка, мой шанс.

— Вито, пожалуйста...

Не выдерживаю и становлюсь перед ним на колени. Давя стыд и гордость, вдавливая их, словно розу на заднем дворе ботинком.

— Выпустите меня! Дайте свободу хотя бы передвигаться по замку. Я все равно не уйду, здесь бежать некуда... — шепчу тише, обхватывая себя руками. Он стоит и смотрит. Долго смотрит, а после делает шаг вперед. Плевать он хотел на мои просьбы.

— Вито!

И он ушел, дверь с грохотом закрылась, а я закричала что было сил.

Каменный, каменный же просто, и что там такое под той железной маской?

И кто та девочка на заднем дворе, она чья?

Зачем здесь столько цветов, почему они держат тут ворона и кто его приручил к рукам?

Ответов не было, и чем дольше я находилась в этом замке, тем больше возникало вопросов. Одно только пока понимала совершенно точно: Вито Чезаре плевать хотел на меня. У него нет жалости, а еще... еще он меня смертницей назвал. Вот кто я для него такая.

Глава 7

Франческа

Пабло. После пожара в замке он практически не выходит из него, хотя и до того не отличался долгими прогулками. Не знаю, что у него на душе, Пабло очень закрытый, но он продолжает работать с Анжелю, тогда как Вито практически полностью забросил все свои дела и занимался исключительно поиском Моджильяни.

Пабло же помогал племяннику. Правда, после брака с Беллой мой дорогой Анжелю обзавелся своим мнением и больше не следовал слепо тому, что ему говорил старший Чезаре. Не знаю, что там произошло, но определенно точно у них что-то надломилось.

Возможно, так на Анжелю повлияла Белла, ее любовь, их взаимность. У них все было непросто, но, когда Белла вернулась в замок, это было праздником и настоящим счастьем для Анжелю.

С ума сойти. Он ждал ее двадцать лет. Двадцать лет одиночества, поисков, обид. Когда-то давно Анжелю был влюблен в мать Беллы Элизу, но она его предала, и Анжелю остался один. Он полностью погрузился в работу, не щадя самого себя, и только год назад смог обрести долгожданное счастье.

Но было еще что-то, что беспокоило Анжелю до сих пор. Я спрашивала его, но он не ответил. Не знаю — может, Белла в курсе, но Анжелю словно искал ответы на вопросы о своем детстве, о матери, хотя, может, это просто мои догадки.

Лично мне тут все понятно: Мария бросила Анжелю, и ей нет прощения за это, ведь какая нормальная мать пойдет на такое несмотря ни на какие обстоятельства? Анжелю в детстве был сущим ангелом, я бы не бросила такого сына даже под дулом автомата, а Мария бросила, и это боль, которую уже взрослый Анжелю все время носит с собой.

Анжелю ищет разгадку, и это происходит прямо сейчас, что-то изменилось. Возможно, случись это все до пожара, было бы больше возможностей найти ответы, но голодное пламя уничтожило практически все.

Обгорели вещи, книги, документы. Сгорела дотла огромная библиотека на втором этаже. Сейчас, конечно, все восстановили, но это уже были не те книги и не те воспоминания.

Единственное, что меня радует, так это то, что Анжелю не сломлен. Белла стала его опорой, отрадой, его любовью и сердцем. В отличие от Вито, который потерял любимую, Анжелю теперь крепко стоит на ногах, и я очень надеюсь, что он найдет все ответы.

У него есть преимущество: так же, как и Пабло, Анжелю рос на шахматах. Он стратег и, в отличие от Вито, сначала предпочитает думать, только потом действовать.

Лесси. Моя милая маленькая Лесси, которая слишком рано осталась одна. Обожаемый обоими родителями, этот ребенок не знал горя. Она любила носиться по лужам вокруг замка и охотиться на бабочек, ей нравилось воровать белоснежные розы с огромной клумбы деда на заднем дворе.

Лесси была игрива и спокойна, нежная и открытая девочка, а потом на замок напали, и ее детство надломилось.

Я помню, как Вито выбежал из замка, как он держал Лесси на руках. Он горел — в буквальном смысле, тогда как Лесси кричала. И это было так страшно, порой мне снится этот сон в разных проявлениях, Лесси там всегда кричит.

После нападения Лесси недолго была в больнице, но она почти не пострадала. Вито полностью взял удар на себя. Боже, как Лесси плакала по Софии. Она звала маму отчаянно и страшно, до истерик, до необходимости принимать успокоительные капли.

Когда же мы ее забрали домой, Лесси часто плакала. Вместе с матерью огонь забрал все ее игрушки и книги, одежду. Все их крыло разворотили, погиб также и ее обожаемый щенок Принц, эта девочка была безутешна.

И именно в этот момент, по моему скромному мнению, Вито должен был прийти и просто поговорить с ней, но он не сделал этого. После того случая, когда Лесси увидела Вито и испугалась его шрамов на лице, их отношения резко изменились. В худшую сторону.

С тех пор Вито закрылся и просто перестал обращать внимание на Лесси, и это было так страшно, до чего же обидно, неправильно. Да, он пострадал, у него обгорела половина лица, но он все так же оставался отцом, и это нельзя утратить по щелчку пальцев.

Это не была гордость, скорее какое-то недопонимание, а может, даже вина. Вито не знал, как начать разговор, поэтому предпочел оставить все как есть, и они просто перестали общаться.

Это было больно. Для нее, для него, Анжело с Беллой тоже очень переживали.

Я знала прекрасно, что Лесси ждет отца. Дева Мария, эта девочка ждала его каждый день, без преувеличений.

Хотя бы на полчаса, хотя бы на минуту! Вито, мой дорогой упрямый неродной сын, походи и поговори с дочерью, ей это важно. Просто спроси, как она, как ее дела, чем живет она, чем дышит.

После такой потери эта девочка нуждалась в отце, как никогда прежде. Ей нужны были опора, защита, понимание, но этого не было. Вито горевал сам, он не пускал в свое горе даже родную дочь, и каждый из них проживал эту беду в одиночестве.

Вито могла разговаривать только София, но ее не было, и он залез в свою скорлупу, отгородился от всех этой жуткой маской. Вито выпустил острые шипы и в конечном итоге перестал быть близким даже с братом.

Несомненно, потеря жены и страшные физические увечья его подкосили, вот только я до сих пор не понимаю, при чем тут Лесси. Она еще маленькая — по сути, ребенок, и ей так нужно простое отцовское внимание, которого от Вито больше не было. Совсем.

Лесси ждала его. Месяц, второй третий, а после я увидела, как она угахла. Потухла, точно свечка, и никогда больше не улыбалась.

Спасал только Анжело, который полностью взял роль Вито на себя. Он приходил к Лесси каждый день. На пять, на десять минут, но это было. Он находил время для нее, говорил с ней, проверял ее уроки.

Клянусь, Анжело — сердце этого замка, ничего не изменилось, а еще ему жутко идет роль отца, своего сына он точно вырастит правильно.

Помню, когда даже Анжело сам не знал еще, жива ли его Белла, он не оставил племянницу. Анжело говорил с Лесси, когда она ему не отвечала. Он говорил с Лесси даже тогда, когда сам задыхался от боли.

Когда Белла вернулась, замок снова ожил. Она была беременной и расцветала с каждым днем. Как могла, эта молодая женщина старалась помочь Лесси.

Они играли, много говорили, Белла не пыталась стать матерью для Лесси, но быть ее сестрой у нее выходило отлично.

Белла с Анжело стали для Лесси опорами, но этого все равно не хватало. Я знаю, что девочка все равно ждала отца, но Вито не приходил, и это разрывало мне сердце.

Прошло время, теперь Лесси снова учится, живет своей жизнью, но она больше не та веселая девчонка, которая по пятам бегала за мамой, нет.

Теперь Лесси одна, она предпочитает проводить время наедине с собой либо кормить нашего ворона по имени Весперо. Когда-то давно эту птицу приручила Анна, потом с ним играл маленький Вито, а теперь он избрал своей хозяйкой Лесси.

И все, у нее нет друзей и веселья, которое ей положено в пятнадцать лет. Эта девочка словно стала призраком в замке, и мне больно, когда я смотрю на нее.

У Лесси потух огонь в глазах — пожалуй, потеря Софии отразилась на ней не меньше, чем на Вито. Они горевали оба, просто каждый по-своему и каждый в своем углу.

Скай. Вито привез эту девушку рано утром, когда едва начало светать вокруг замка. Она была босая, в одной лишь белой тоненькой ночнушке. Молоденькая, лет двадцать, совсем юная еще.

Из окна я увидела, как охрана повела ее в подвальные помещения, и до боли прикусила кулак. Жаль, что пламя не разрушило темниц, они как раз таки остались невредимыми, и я не хотела, чтобы история повторилась, только не так. Не снова.

Замок и так уже забрал столько жизней, а тут эта девочка. Скай. У нее длинные светлые волосы, она сама хрупкая и худенькая. Эта девушка в страхе оглядывалась по сторонам, тогда как я знала, что Вито с нею церемониться не будет.

И мне стало больно за нее, ведь Вито не Анжело. В нем нет такого сострадания, и, если это и правда родственница Моджильяни, пощады ей не будет.

Помню, как некоторое время Белла тоже была в темнице, но Анжело не мучил ее. Она провела там чуть больше суток — и все, потом он ее вывел. Анжело позволял мне заботиться о ней в темнице, но в этот раз все по-другому.

Меня не только не пустили туда, но и строго запретили даже приближаться к тому крылу. Я не могла ничем помочь этой девочке и понимала прекрасно, что с этим надо было что-то делать.

Я больше не могла допустить, чтобы замок поглотил еще одну жизнь. Только не так, только не снова. Вито от жажды мести совсем потерял совесть. Нельзя допускать, чтобы Скай пострадала от его руки, ведь тогда Лесси окончательно разочаруется в отце, и их связь навсегда будет утеряна.

Я быстро схватила телефон и набрала Анжело. Я так никогда не поступала, не сдавала братьев, но сейчас был совсем иной случай.

Глава 8

Вито

Смотрю в окно из своего кабинета. Мой братец Анжело приехал и сейчас быстрым шагом идет в замок. Один, без семьи, хотя мне от этого ни холодно ни жарко. Я вообще уже словно ничего не чувствую. Ни радости, ни горя, хотя, пожалуй, я вижу один только цвет — черный.

Анжело отстроил замок, хотя все это прошло мимо меня. Я бросил все, лишь бы найти эту тварь, я бы отдал за это все свои деньги и, пожалуй, даже душу.

— Ты что, похитил девушку?!

Шаги по коридору, а после распахивается дверь моего кабинета — и, конечно, без стука. Анжело вламывается в мой кабинет как к себе домой, хотя это и есть наш дом, общий. По крайней мере, так было до недавнего времени.

— И тебе здравствуй, брат.

— Я задал вопрос, Вито!

Смотрю на него. Естественно, он уже в курсе. Не было никаких сомнений в обратном.

— Доложили уже. Быстро. Франческа сдала, никто бы больше не заикнулся, не посмел, — огрызаюсь, хотя уже поздно.

Я особо не скрывался, у замка есть свои уши и глаза. Так всегда было.

Анжело подходит ближе, всматривается в меня. О да, сейчас начнется нравственная тирада.

— Вито, что ты делаешь?! Зачем ты удерживаешь девушку в темнице?

— У тебя научился.

— Хватит ерничать!

— Это не девушка, а отродье Моджильяни! И не ты у нас потерял жену, так что закрой рот и не лезь в это дело!

Поднимаюсь, подхожу к окну. Кулаки сами собой сжимаются. Тоже мне моралист, забыл, что сам год назад делал.

— Я уже один раз наступил на эти грабли и тебе повторить мои ошибки не позволю! Где ключи от темницы? Где, Вито?

Ох, какой же он недовольный, но мне плевать. Анжело всегда был хорошистом, вслушивался, тогда как я обычно искал легкие пути.

— Можешь не стараться. Ключи я тебе не дам. Она не выйдет оттуда. Я так решил.

Распрямляю плечи, охота снять эту чертову маску, душно в ней. Каждая секунда точно в скафандре, но нет, нельзя. Один раз Лесси уже меня испугалась. Больше я маску при всех не снимаю.

— Пабло в курсе того, что ты тут устроил самосуд?

— Иди накапай, но думаю, он, конечно, уже знает.

— И? Я хочу знать его мнение.

— Здесь я решаю, как быть, а не отец!

— Хорошо, но девушка-то тут при чем? Это же не сам Марко, а какая-то его дальняя племянница! Она невиновна, Вито, ты делаешь ошибку!

Оборачиваюсь — вот теперь мы наравне. Мы одного роста с Анжело.

— Я тебе еще раз повторю, Анжело, специально для тех, кто плохо догоняет: это мое дело, и я не хочу, чтобы ты сюда лез. Будет так, как я сказал, тем более что отец только поддерживает меня в этом.

— Он не может тебя в таком поддерживать, тем более я не уверен, если честно, что Пабло на нашей стороне.

Смотрю на Анжело и не понимаю. Вот это его женушка ему мозги прополоскала. Он изменился, притом сильно.

— Что?

— Что слышал.

— Это что сейчас такое было? Ты охренел? Отец тебя вырастил.

— Знаю, нет... я просто не понимаю, почему Пабло тебе спускает это с рук! И вообще, я все еще не нашел того, кто мне те документы фальшивые подкинул.

— И? Каким боком тут наш отец? Или у тебя после свадьбы мозг начал плохо работать? Прояви уважение, Пабло щенком тебя подобрал и вырастил тогда, когда родным родителям ты не сдался! Это наш отец, Анжело. Наш. Отец.

Он меня вывел, вот это выдал, ни разу я такого от Анжело не слышал, и это мне не понравилось. И вообще вся эта ситуация. Мой брат лез туда, куда лезть не надо.

— Извини, Вито, но что-то тут не то. У меня пока вообще не сходится. Все как-то слишком просто. Возможно, у Моджильяни были союзники, потому что в одиночку он бы не смог подтасовать документы, а потом просто взять и напасть на замок. Это слишком сложно для одного человека. Он точно работал не один.

— Вот и занимайся поиском того, кто тебе подкинул фальшивку, а ко мне не лезь!

Закуриваю, Анжело умеет быть невыносимым, но Лео еще хуже. Как репей иногда прицепится, хрен выгонишь его со своим бравым мнением.

Блядь...

Маска мешает, приходится ее снять. Тяну за веревку сзади, откидываю эту хрень на стол. Провожу ладонью по шрамам на лице. Не то чтобы они мне мешали, но смотрятся не очень. Пол-лица на хрен изуродовано просто. Видела бы меня Софи.

— Когда ты собираешься лицо свое восстанавливать?

— На хрена? И так красивый.

— К маске, значит, привык уже?

— Ты не обязан носить ее, Вито.— Сойдет, не жалеюсь.

Сцепляю зубы.

— Обязан. Сам знаешь почему.

Смотрю на Анжело, затягиваясь сигаретой, он коротко кивает, хотя не одобряет. Это все ради дочери. Один раз она уже испугалась, увидев мои шрамы, мне тогда хватило с лихвой. Понять, что ты больше не отец для нее, а монстр. Монстр, который не спас ее маму и которого она теперь боится.

Я думал, сдохну в тот же день. Мне жить, сука, не хотелось. К Софи хотел. Сильно, но напился в итоге, смотря на себя в зеркало. Я себя ненавижу. Так сильно, до дрожи.

— Где Лесси?

— Не знаю.

Фыркаю, тоже мне, учитель нашелся, святой. Мне не до дочери, я знаю, что она где-то тут. Пока этого достаточно.

— Вообще-то, ты ее отец.

— Ну да... Конечно.

Стучу пальцами по столу. Я его почти не слушаю. Главное, что я поймал птичку Моджильяни. И она у меня. Сидит одна, все еще в темноте.

Она моя, хотя свернуть шею я ей не могу, потому что наживка. Потому что рано и Марко еще не клюнул. Все мысли об этом, я не могу утром быть заботливым отцом, а к вечеру надевать костюм палача, у меня так не получается.

— Тебя вообще ничего не смущает?! Вито! Ты совсем забросил своего ребенка, София бы не...

— Софии больше нет! Ты понятия не имеешь, каково это! Ты не был женат шестнадцать лет, ты в браке всего год, это вообще ни о чем, так что не вздумай меня еще поучать тут!

— Да я помочь тебе хочу, брат!

— Себе помоги! У тебя теперь есть свое дитя, им и занимайся, а в мою семью не лезь! — гаркаю на него, мы обычно так не общались, ну, до недавнего времени.

— Я думал, Лесси тоже моя семья. Нет?

— Судя по твоим закидонам сегодня, вижу, что ты уже в этом сомневаешься! Тебе заняться нечем? Иди к жене или в свою семью, Анжело, и не надо читать мне морали!

— Я тебя не узнаю, да что с тобой такое, Вито?! Мы братья, мы одна семья, если ты забыл! Лесси так сильно нуждается в отце, у нее сложный период, проснись!

— Пошел вон. Вон, я сказал, ВОН!

— Невыносимый. Упрямый баран! Ты за этой маской сколько угодно прятаться можешь, но я и так вижу тебя насквозь! И пока ты тут месть свою холишь и лелеешь, твой ребенок шатается один по замку, никому не нужный. А когда ты, наконец, проснешься, Лесси уже забудет, что у нее вообще отец существовал!

Анжело бросает мне напоследок пару ласковых и уходит, а я со всей дури толкаю рядом стоящий стул.

Не договорились мы ни о чем, он только раздражил меня больше. К Пабло пошел, сто процентов, вот только это уже мне неинтересно.

Пусть жалуется, отец всегда на моей стороне, и я тоже глотку за него перегрызу. Неблагодарный, Белла, видать, ему все мозги уже скрутила. Забыл, как его родная мать бросила, как он рыдал по ней, а после Пабло его забрал. И вот его ответ на доброту отца. Не ожидал даже. Он еще и поучать меня собрался, тоже мне, братец.

*** *Анжело*

Приемная Пабло — самое высокое крыло замка, которое когда-то мы с Вито называли “гнездо”. Сюда приходим только мы с братом обсуждать важные дела, и сейчас как раз одно из них, потому что этот упрямый баран уперся рогом.

— Здравствуй, отец.

Пабло сидит за столом. Вокруг куча книг, я сам помогал восстановить его библиотеку. На нем неизменный черный костюм. Он прожил в трауре всю жизнь, наша семья потеряла слишком много любимых женщин.

— Сынок, проходи. Ты с Беллой?

— Нет. Она с Маттео на вилле осталась. Там море... решили остаться, — вру, есть еще причина, и Пабло, конечно, это видит. Белла не хочет сюда приезжать. Она боится здешних мест и соглашается на визит, только если мы идем целенаправленно к Лесси.

— Почему вы так редко приезжаете? Это и твой дом тоже. Тут всем хватит места.

— Да, я знаю, просто много дел. Маттео еще маленький, мы ремонт не закончили, да и здесь велись работы.

— Я ценю твою помощь. Ты практически сам восстановил замок, Микеле бы гордился тобой. И я горжусь тоже.

— Отец, я приехал сегодня не поэтому. Вито привез в замок невинную девушку и держит ее в темнице!

На это Пабло поднимается, коротко машет рукой.

— Знаю. Это племянница Моджильяни. Наконец он хоть кого-то нашел. Совсем уже извел себя. Бедный мой мальчик.

— И? Ты ничего не скажешь?!

— А что я должен сказать? Вито хочет выловить Марко. Это его право мести.

— Но не таким же способом!

— Именно таким. Это его последняя возможность.

— Та девушка ни в чем не виновата! Отпустите ее! Мы так с женщинами не поступаем!

— Нет, Анжело, это совсем иной случай. Она умрет, как только Вито найдет Марко. За Софию мы вырежем их всех до последнего колена. Помнится мне, ты сам тогда такой приказ отдавал. Или ты забыл нашу Софию?

— Да, но...

— Лесси лишилась матери, а Вито жены! Это боль, которую ничем не восполнить. Ты не терял жену, ты не знаешь, каково это, а я знаю. И Вито теперь тоже. Знает.

— Это слишком. Вы ведь все равно ее убьете! Нет, я не хочу в этом участвовать, — психую, отец такой же упрямый, как и Вито, одинаковые просто.

— Ты сильно изменился, сынок. В чем дело?

Пабло сканирует меня острым, как лезвие ножа, взглядом. Ненавижу, когда он так делает. В детстве в такие моменты я просто физически не мог ему соврать.

— Это ты мне скажи, в чем дело.

— Прямо говори. Что ты хочешь узнать? Тебя что-то беспокоит. Что?

Глубокий вдох, выдаю то, что гложет меня почти весь последний год. И я не нашел вообще никаких зацепок. Только тот обгоревший листок дневника, в котором моя мать говорила, что любила меня, что никогда бы от меня не отказалась.

— Почему моя мать бросила меня на самом деле?

Пабло поднимает бровь, делает глоток красного вина из бокала.

— Мы это не раз обсуждали. Мария отказалась от тебя.

— У меня другая информация.

— Какая?

— Я нашел сгоревший дневник матери. Одна страница уцелела, и там было указано, что она меня любила.

Пабло поджимает губы, а после расправляет свои плечи.

— Хорошо, ты уже взрослый. Хочешь правду? Вот она: Мария не отличалась верностью и изменяла твоему отцу. Микеле был в ярости, но все же дал ей еще один шанс. Твоя мать им не воспользовалась. Эта кукушка бросила тебя на вольные хлеба, прихватив с собой более спокойного близнеца Эдуардо. Вот твоя некрасивая правда.

— Нет... я не верю. Этого не могло быть!

— Могло. И было. Я помню и больше тебя на свете живу, и вообще, Анжело, почему у тебя возникли сомнения? Ты подозреваешь в чем-то меня? Я сделал что-то не так?

Глубокий вдох, по телу проходит дрожь. Он мне ближе отца. Пабло вырастил меня. Боже, что я несу, бред же какой-то.

— Нет, папа. Извини, я просто устал. Иногда меня гложет, что мать выбрала Эдуардо. Почему его? Ну почему? Это несправедливо.

— Зато я выбрал тебя и сделал все, что мог, чтобы ты вырос настоящим мужчиной, сынок.

— Да, спасибо тебе за это. Я ценю.

— Знаю.

— Так что с той девушкой, которую забрал Вито?

— Это его дело.

— Мне кажется, уже довольно жертв. Давайте как-то иначе.

— Иначе не будет. Она Моджильяни и будет казнена. Все, я устал уже от тебя, свободен.

И вот я вроде как поговорил с Пабло, задавал ему вопросы, он отвечал, но вернулся домой я еще более пустым и взволнованным.

Моя мать была путаной? Не знаю. Я не хочу думать об этом, хотя они с отцом и правда расставались.

Чья была инициатива, что там на самом деле произошло? Я не знаю, фактов нет, улик нет, но я буду копать. И что-то подсказывает мне, что это только начало. И замков так много, нужно только к каждому подобрать свой ключ.

И та девушка. Скай. У меня связаны руки. Я могу только надеяться на то, что у Вито есть сострадание в сердце и он не сделает ей больно. Это уже будет на е

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.